

О ВЫРАЖЕНИИ ГЛАШЕЙ СВОИХ СУБЪЕКТИВНЫХ СОСТОЯНИЙ

Е. Гришунина

Моя дочка родилась в полной семье, оба ее родителя с высшим образованием. Я психолог с кандидатской степенью. В момент рождения мне – 37 лет, мужу – 39 лет, у Глаши есть родной старший брат (разница в возрасте детей 17 лет). Рождение дочки произошло в срок, путем кесарева сечения. Тяжелых болезней за отмеченный период не было. В процессе наблюдения за малышкой периодически производилась видеозапись значимых моментов ее развития, также я вела дневник, где описывала отдельные факты, свои ощущения, замечания других членов семьи (мужа, сына) относительно психологических, поведенческих проявлений Глафиры.

В роддоме (первые дни)

Сразу же после родов я заметила, что лицо моей дочки очень развито выражает эмоции. Когда она спала, ее мимика выражала грусть. Интересно, что о подобном выражении лица говорила врач, делавшая мне УЗИ-диагностику за день до родов, отметившая: «Да что же это у меня сегодня все дети такие нахмуренные!» Днем же мимика Глафиры могла выражать различные состояния в зависимости от ситуаций.

Выражение эмоциональных состояний проявилось буквально на третьи сутки после родов. Два предыдущих дня дочь старательно высасывала молозиво, дожидаясь настоящего молока. Когда оно наконец-то появилось, Глаша выразила свои эмоции следующим образом: остановилась в сосании, выпустила сосок, широко открыла глаза, нашла взглядом мои глаза, приподняла «брови» (бровей еще не было, но то

место, где они должны были скоро появиться, немножко сморщилось), а в глазах — удивление и благодарность.

Вскоре проявились обида и упрек. На третий день после родов Глашу забрали из нашей с ней палаты для взятия анализов. Как я потом поняла, кровь брали из вены на голове. Привезли Глашу с «чалмой» из пеленки. Сначала она лежала минуты три, замерев, смотрела широко открытыми глазами в одну точку, потом резко, громко, обиженно выпятив губку, заплакала с такой интонацией: «Что же ты, мама, не защитила? Отдала на такой ужас?»

Крики и его виды

Глаше уже две недели. Она выразила свое недовольство по отношению к груди, так как обилие молока заставляло ее захлебываться. Сердитый плач и еще более, чем обычно, нахмуренные «брови».

Особенно сильно кричала Глафира в ситуации, когда ее мазали маслом после купания. Причем степень нежности, с которой мы совершали это действие, не влияла на уровень громкости и сердитости крика. Резко успокаивается, без дополнительных усилий после окончания одевания. Сейчас Глафире почти 11 месяцев. В продолжение этой темы могу сказать следующее: Глаша любит переодеваться, с 10 месяцев разглядывает одежду на себе, послушно протягивает ручки в рукава с 8 месяцев, никаких намеков на недовольствие при одевании-раздевании у нее нет с 5 месяцев. Правда, до сих пор ворчит и немножко хнычет, когда ее вытирают полотенцем после купания.

— Интересно, давно это тут лежит? (размышление)

В течение трех первых недель перинатальной жизни дочка мы с мужем научились различать не меньше четырех видов крика — сердитый (если происходит что-то, что не соответствует ее представлениям, — в основном как реакция на обилие молока или мазание маслом), жалобный (боль), «голодный» крик и крик «зовущий», когда она хочет, чтобы кто-то из взрослых был рядом. Иллюстрацией к последнему виду служит такой случай:

Глафира (в возрасте трех недель) в своей кроватке «кряхтит» с игрушками на мобиле (карусельке), мы с мужем в другой комнате, она начинает кричать зовущей интонацией. Я подхожу, она замолкает, продолжает кряхтеть. Как только я отхожу, опять кричит — зовет.

Кряхтение, пение и другие звуки в первые месяцы

В три недели к различным по интонации крикам прибавилось «кряхтение». Таким образом Глафира выражала свое отношение к висящим над ней игрушкам. Вместе с «дирижирующими» движениями рук по направлению к ним же, приподнятыми бровками и открытым ротиком, кряхтение создавало ощущение практически полноценного «разговора» с интонационной окраской и невербальной составляющей. За это мы с мужем прозвали Глашу «дирижер зоопарка».

В период с 2 до 3 недель сформировался следующий паттерн поведения: Глаша научилась сама себя убаюкивать. После кормления (особенно ночью, когда ее могут оставить в кровати родителей) она спокойно лежит, изредка кряхтит и издает звуки типа «э», «а» (довольно протяженно и с интонацией, как если бы взрослый изображал, как надо убаюкивать куклу). Поговорив сама с собой таким образом минут 5–10, Глаша засыпает. Продолжалось это примерно до двух месяцев. Моя мама говорит, что у меня тоже был такой «приемчик» в детстве.

В шесть недель Глаша начала общаться со мной в форме диалога. Обычно это происходило так: я говорю ей всякие нежности минуты 2–3, она внимательно слушает, смотрит мне в глаза, потом смотрит на мой рот, потом ее ротик активизируется, пытается что-то изобразить без звуков (губы трубочкой, язык шевелится, губки подрагивают), потом небольшая двигательная активность рук и ног и два-три звука: «а», «э», «аэ». Интересно, что такой же порядок Глашиних действий сохранился и до сих пор: если я ей сейчас читаю книжку, она сначала смотрит на картинку, потом поворачивает головку, смотрит мне в глаза, потом на мой рот, потом поворачивается опять к книжке и произносит свои звуки, причем звуки по интонационной окраске либо повторяют мою интонацию, либо отражают состояние облегчения (вздоха).

После появления в шесть недель звуков Глаша начала «петь» (протяжное, долгое звучание А, Э, ЭА, АЭ). Это происходило в двух ситуациях: после пробуждения утром и после кормления. В первой

— Ой, что это? (удивление)

ситуации интонация спокойная, велеречивая, дочь рассматривает фотографии на стенах и как бы комментирует их.

В ситуации после кормления Глаша своим пением благодарит меня. При этом интонация восторженная, нежная. Дочка смотрит мне в глаза, выражение лица похоже на то, какое было у нее на второй день после родов, когда пришло настоящее молоко. Вообще это благодарное пение маме — первое явное выражение такого эмоционального состояния, как радость.

В дальнейшем (начиная с 8 месяцев) самое радостное выражение лица у Глаши появлялось в ситуациях, когда я или муж

повторяли звуки, производимые ею (любые, все). Ее улыбка при этом не имеет предела по широте, а выражение глаз — благодарное. Действительно, как хорошо, когда тебя понимают, когда с тобой говорят на одном языке!

В три месяца мы записали звуки, которые появляются у Глаши, когда она сердится. Эти звуки могут сопровождаться плачем, они свидетельствуют о ее настроении.

В шесть месяцев самая неприятная для Глаши ситуация — знакомые люди, которые ей не нравятся. В основном это врачи.

Однажды случилось так, что мы втроем (я, муж, Глафира) пошли с деловым визитом к нашему знакомому. Уже на входе в здание по выражению лица дочки (глаза погрузтели, нижняя губа выпятилась) стало ясно, что ей здесь не нравится. Что именно — сказать трудно. Фактом является следующее: когда наш знакомый к ней обратился, Глашино недовольство вышло за границы, она закатилась криком, который невозможно было выдержать. Мы спустились вниз по лестнице — крик продолжался, вышли на улицу — тот же крик, ходим вокруг здания по парку — крик, показываем ей птичек, игрушки, деревья, даем попить, соску, убаюкиваем, поем, говорим ласковые слова — бесполезно. Сдавшись, мы сели в машину, и муж завел мотор — Глаша остановилась, чуть-чуть приоткрыла глазки и, довольная, прервала крик «на полуслове». Добилась своего, и не отступила, пока не убедилась, что ситуация действительно необратима!

Улыбка

Начиная с 14 дня на лице Глаши начала появляться улыбка. Правда, пока только во сне. Улыбка неожиданная, блуждающая по лицу, как будто тренировка мимики. За день до четырех недель улыбка появилась в бодрствующем состоянии и в присутствии взрослого. Однако при этом Глаша не смотрела на человека, ему в глаза; это было похоже на улыбку, промежуточную между неосознанной и социальной. Настоящая, направленная на человека улыбка появилась в 5 недель.

Демонстративность

В шесть недель я заметила различие между тем, как Глаша сосет грудь в спящем и бодрствующем состоянии. В первом случае она спокойно справляется с любым потоком молока, не бросает грудь, не всхлипывает, не возмущается. Во втором как бы показывает, что она «трудится», обозначая это различными звуками: «гунь-гунь-гунь» в основном или покряхтыванием, пошмыгиванием носом. В первом случае нет зрителей, во втором все на месте, и «актриса» тоже.

Данная индивидуальная черта получила развитие: в 9 месяцев уже было ясно, что девочка склонна к демонстративности, любит многое делать для публики. Например, когда к нам пришел друг моего 17-летнего сына, Глафира начала «строить» ему глазки, часто моргать ресницами, выгибаться, опираясь при этом сзади двумя руками на опору, а одну ножку отставляя в сторону на носочек, наклонять головку и поглядывать исподлобья, улыбаясь при этом, стала вести себя примерно: усердно открывать ротик во время еды, а доставая игрушку с пола, кряхтела громко, показывая усердие.

— Ну, не можешь, мам, объяснить — тогда просто дай это! (возмущение)

То, что Глафира может проявлять демонстративность, показывает и такой случай. Ей 9,5 месяцев, она стоит на диване, играет рядом со мной. Вижу, что

она, не удержав равновесие, бухается и краешком головы задевает пластмассовую игрушку. Я расцениваю это как неопасную ситуацию и специально отворачиваюсь, понимая, что она, заметив мой взгляд, устремленный на нее, будет плакать. Слышу начальный звук, обозначающий возможность закричать, потом тут же спокойное гуление над игрушками — зачем тратиться эмоционально, если публика не видит.

Глаша чаще пытается манипулировать именно мамой, именно меня выбирает своим зрителем. Например, с 10 месяцев Глафира пытается ходить без поддержки, естественно, иногда падает. При этом, если рядом папа, сдерживает хныканье, сама встает, продолжает шествие. И тут же, уже встав, но, заметив мой взгляд на нее, сразу начинает жалобно плакать.

Еще один случай показывает манипулятивный характер ее действий. Глафира (ей 10 месяцев) сидит на стульчике для кормления, занимается крышкой от пакета кефира. Я отошла в другую комнату. Бегу через минуту к ней, откликаюсь на истошный крик. Подбегаю и вижу следующую картину: Глаша со спокойным выражением лица ковыряет пальчиком в крышке, глаза открыты, смотрят на крышку, при этом рот кричит. Маленький манипулятор — наша Глаша!

Игры, смех и юмор

В два месяца Глаша начала радоваться своему отражению в зеркале, активно к нему тянется, улыбается. При этом к младшему двоюродному брату Андрею (он младше ее на 7 недель) она такого внимания не проявляет: не гулит, не тянется к нему, не улыбается. Возможно, ей нужен контакт глазами (в зеркале он есть), а Андрей пока на нее не смотрит — маленький еще.

В три месяца у Глаши к крикам, кряхтению, пению, звукам присоединились визг и рычание. Визг стал проявляться в ситуациях игры. Причем визгом Глафира сама призывает взрослого поиграть с ней. Ситуации, которые Глаша воспринимает как игру — потрясывания, щекотания, пощипывания губами за бочок; еще она любит, когда ее кружат на руках, ей нравится смотреть на машины за окном. В пять месяцев Глафира стала не только звуками обозначать свое понимание ситуации игры, но и отвечать действиями: в ответ на покусывания ее за шейку, она тоже повизгивает и делает движения с открытым ртом к шее взрослого.

Рычание проявлялось недолго — две-три недели и заменяло собой по смыслу сердитый крик, сопротивление каким-либо действиям взрослого.

В 3 месяца и 10 дней Глафира впервые засмеялась. Она была у меня на руках, а Игорь баловался с ней, издавая языком и губами фырчащие звуки, чем и рассмешил ее. С этого дня подобные звуки смешили ее всегда, а в 4 месяца к ним присоединились звуки шуршания, издаваемые при движении игрушки по бортику манежа, кровати и т.д.

В пять месяцев как игра воспринимаются игры-потешки — коза рогатая, ехали в лес за орехами, стенка-стенка-потолок. Глафира в этих ситуациях понимает, что самая подходящая реакция — смех, и тут же ее и выдает.

В 8 месяцев Глаша начала понимать более «тонкий» юмор. Она стала прочитывать шутливое выражение лица взрослого. Папа морщит губы, наклоняет голову, поднимает одну бровь, подмигивает глазом, в ответ Глаша смеется. Мама делает чмокающие движения губами, изображающие поцелуй — у Глаши смех, а в усталом состоянии — улыбка.

В 8,5 месяцев мы с мужем заметили, что Глаша понимает смысл действий в мультфильмах. До этого возраста она смотрела их не больше 2 минут, своих эмоций при этом не выражала. Теперь, по-видимому, ориентируясь на тональность сопровождающей музыки, она начинает тревожно подпрыгивать, полуприсядая на ножках, когда лиса крадется к Серой шейке, отрывисто произносить звук «У», хмурится, при этом на личике — тревога, глазки широко открыты. Когда сестры в мультфильме «Аленький цветочек» обижают младшую Настеньку, Глаша разочарованно и угрожающе мычит, головка опускается, смотрит исподлобья, глаза сужаются.

Интонация как отражение отношения

Начиная с 8 месяцев можно отметить массу случаев (они, по сути, становятся обычным делом), когда Глаша звуками, различно интонационно оформленными, комментирует свое отношение к тому, что видит или слышит. Однажды в возрасте 9 месяцев в течение трех минут я специально наблюдала за этим процессом. По интонации и мимике различимы эмоции, примерно выражаемые для взрослого следующими выражениями:

- О, что это? (удивление)
 - Странно... (с сомнением, про себя и для себя)
 - Интересно, давно это тут лежит? (спокойно, рассудительно, вопрошающе)
 - Мама, объясни — я не понимаю (просяще)
 - Ну, не можешь объяснить — тогда просто дай! (требовательно)
 - Ой, как красиво, здорово! (восхищенно)
 - Упало («БА» — начиная с 10 месяцев говорит сама) — сожалее-
 ющее
 - Ой, папа опять ушел («ПА» — тоже с 10 месяцев говорит, но это
 аналог обычного детского МА — в смысле нет чего-то или кого-то) — ра-
 зочарованно
 - Что это там такое громкое? («БФФФ» — ее звуковая реакция
 на неожиданные звуки, когда включается какой-либо бытовой прибор
 или за окном сигналит машина) — испуганно
 - Да что же это он оттуда не достается!? — возмущенно
 Без таких «комментариев», выражающих отношение, не обходит-
 ся ни один «поход» по квартире в возрасте от 8 месяцев. При этом,
 если ей задать вопрос (например, «Где мячик?»), то она отреагирует
 на него, зеркально отражая своим гмыканьем интонацию вопрошаю-
 щего.
 Кстати, на протяжении 9-го месяца Глаша выражала восхищение
 прямо-таки по-взрослому: округляла губы и с шумом выдыхала воздух,
 производя звук, похожий на О или У. Потом это утасло.

— Папа опять ушел... (разочарование)

Реакция на опасность

В 9,5 месяцев Глаша играет на кровати родителей, лепечет громко, выразительно. Затем подползает к краю кровати, встает и пытается дотянуться до шторы на окне, которое еще сантиметров на 20–30 дальше, чем край кровати. Ситуация опасная, необычная, никогда такого не было. Я, конечно, ее контролирую, но вот, что интересно: Глаша переходит на шепот и звуки произносит редкие для нее: КХ, Ф, С. Обычно в этом возрасте она произносит БА, МА, ПА, ДА, БЕ, БУ, БЕЙ, ДАЙ и т.д.

Понимание окружающих

В 9,5 месяцев Глаша показала нам, насколько четко она понимает эмоции другого и насколько сильно она хочет управлять ситуацией.

Дочка бежит по квартире в ходунках, приближается к папе и неожиданно кусает его за палец, папе больно, он что-то говорит Глаше сердито и обиженно. В ответ на это дочь сначала начинает плакать. При этом посматривает искоса на отца, пытается понять, изменилось ли его состояние. Папа продолжает хмуриться. Тогда Глаша... вынимает соску из своего ротика и протягивает папе. Успокоила папу, как могла, точно таким же способом, каким ее успокаивают!

— Ой, как здорово, красиво!
 (восхищение)

Когда дочке было 10 месяцев, я поняла, что она стала понимать слово «скажи». И у нас с ней состоялся такой «эксперимент»-диалог:

— Глаша, скажи «дай» (то слово, которое она сама говорит без подсказки)

— ДЯЙ-ДЯЙ-ДЯЙ (скучная интонация, будто отчитывается, не смотрит на меня, ковыряет что-то пальчиком в игрушке).

— Глаша, скажи «мама» (знакомый объект, но такой, который «все протит»).

— ПА (удивленно, с улыбкой, шутя, как будто знает, что говорит неправильно,

на меня не смотрит, смотрит в окно, в противоположную от меня сторону).

— Глаша, скажи «папа» (знакомый объект, более строгий и звук «ПА» более тренированный, чаще употребляемый, чем «МА»).

— ПА (не удивленно, а, наоборот, удовлетворенно: знает, что правильно, смотрит в моем направлении, но не в глаза, а выше головы).

— Глаша, скажи «Гриша» (знакомый объект, но не умеет произносить его наименование).

—*Смотрит на меня удивленно, просяще, прямо в глаза, как бы помощи просит, потом «находит решение»: поворачивается, перегибается через подлокотник стульчика, на котором сидит, и смотрит на дверь Гришиной комнаты: «Хоть сказать не могу, так движение в сторону объекта сделаю».*

— Глаша, скажи «киска» (объект, сложно идентифицируемый, явно вспоминается только на улице, дома кошек нет).

— Молчание, замирание, смотрит прямо на меня ИСПУГАННО («то, чего не знаю, пугает меня!!!»)

ПРО ФЕДЮ

Ж. Максимовская

Когда Федор только начинал говорить (в возрасте 1 год 7 месяцев), он произносил «ням-ням» («кушать») и «мама» («мама») так похоже, что было невозможно различить. Он очень обижался, если взрослые не сразу понимали, что именно он хотел сказать. Через некоторое время он вместо «мама» стал говорить «ми-ми». Это слово никто уже не путал с «ням-ням», и он пользовался им довольно долго, даже тогда, когда стал говорить вполне понятно.

В возрасте 1 год 11 месяцев Федор обозначал отказ и отсутствие двумя словами: если он отказывался от чего-либо, он говорил «нет», если обозначал отсутствие чего/кого-либо, он говорил «нетусь». Например, играя с папой в прятки, Федор прятался под стол и спрашивал: «Папа, ты где?» Папа говорил: «Здесь. А ты где?», тогда Федя победоносно говорил: «Нетусь!»

Одно из первых логических открытий Федор сделал в 2 года 5 месяцев. Он спросил: «А машинки по Феде скучают?» Ему ответили: «Скучают». Федя: «А чайничек и чашечки?» — «Нет». Но почему «нет», никто из взрослых объяснить не смог. Тогда Федор заключил: «Потому что у них нет глазок».

ДЕТСКИЙ САД: НОВОЕ ОКНО В МИР

С.С. Белова

В возрасте 3 лет 9 месяцев мой сын Эмиль начал новую жизнь: пошел на целый день в детский сад. К этому моменту интеллектуальное и речевое развитие мальчика было соответствующим возрасту и, возможно, даже опережавшим его.

В предшествующем учебном году Эмиль три раза в неделю посещал группу развития в том же садике, где в течение трех часов занимался рисованием, музыкой, физкультурой и выполнял традиционные для детей этого возраста задания в группе из 6–12 человек. Этим ограничивался опыт его посещения учебных учреждений. Первый месяц сцены прощания в раздевалке были душераздирающими, со слезами и подвываниями *«Мамочка, не оставляй меня здесь... Ой, бедный я, бедный... Как же я буду тут один...»* Но затем малыш освоился, заинтересовался и весело прощался со мной, комментируя *«Я пошел, а взрослым в группу нельзя»*. Прошло долгое, полное впечатлений лето, и вот теперь мы идем в детский сад «как на работу».

Как мама я переживала новое отдаление от ребенка: теперь целый день малыш проводит вне дома. Главное, что меня беспокоило: как сложатся отношения у ребенка с новыми воспитателями в новой,

большой группе. Эта тревога понятна: единственный сын и внук, которому посвящено все внимание взрослых, имел небольшой опыт общения вне семьи.

В этом контексте главный и неожиданный для меня эффект детского сада заключался в тех изменениях, которые произошли в отношении ребенка к нам, родителям. В течение первых двух с половиной лет жизни мальчик преимущественно был эмоционально позитивным и ровным, а позднее стали появляться капризы, требовательность, метание от одного родителя (сейчас «плохого») к другому (сейчас «хорошему»), проявления детской воли и т.д. Эти проявления не принимали катастрофических форм и даже не беспокоили меня как маму. Но удивительным для меня был факт выраженного изменения в отношении ребенка к домашним, когда он пошел в садик.

Изменения заключались в том, что Эмиль, казалось, стал больше ценить свое пребывание в семье и понимать близость к нему родителей. *«Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии?»* Теперь он частенько приходит «просто побыть рядом», ласково называет родителей, реже допускает выпады, упреки в нашу сторону. Создается впечатление, что глубокое погружение в среду садика существенным образом расширило представления ребенка о социальном мире, отношениях между взрослыми и детьми, разнообразии характеров, если угодно.

Мне представляется, что наши обновленные, более ровные, чем прежде, со стороны Эмиля отношения – не простой эффект усталости ребенка «после рабочего дня». Обоснование – устойчивость нового поведения. Оно производит впечатление полноценного взросления – взросления, которое проявилось как бы вдруг, в течение месяца. Как это возможно?

Познавательное обогащение ребенка в общении с новыми взрослыми развивается в двух направлениях: предметном и социальном. Например, в предметной плоскости приобретает знание о том, как сделать аппликацию, и о том, что ко взрослым нужно обращаться по отчеству. Этому учат воспитатели. Но и само общение с педагогами и детьми представляет для ребенка массу, как сказали бы социальные психологи, социальной информации, которая имеет непосредственное отношение к ребенку и требует оперативной переработки. Эмоциональная подоплека последних образовательных эффектов обеспечивает их быстрое проявление.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 08-06-00588а.

И в заключение одно из высказываний Эмиля: «В детском саду же не знают, что я шалю дома. Там я хороший, а здесь запачкал обои красками...» Это к вопросу о социальном познании и теории психического, что может стать предметом нового разговора.